

Елена Ивановна Пляскина,
кандидат филологических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30),
e-mail: PlyaskinaEI@mail.ru

Зоонимы в качестве номинаций человека в романе К. Ф. Седых «Даурия» как отражение фрагмента языковой картины мира забайкальских казаков

В статье рассматривается достаточно многочисленное и интересное для исследователя семантическое поле зоонимов, то есть названий животных (таких, например, как *гуран, тарбаган, жеребец, кобель, боров, собака, цепник, пустолайка* и других), употреблённых в метафорическом коннотативном значении в романе К. Ф. Седых «Даурия», описывающем жизнь и быт забайкальских казаков. В результате анализа тематической группы, в которую они объединяются, а также компонентного анализа значений слов и семантического анализа контекстов выявлена лексико-семантическая специфика этих слов в говоре, дающая представление о системе ценностей казаков, сформировавшейся в рамках их языковой картины мира. Особенности рассмотренной тематической группы, заключающиеся в количестве и качестве входящих в неё лексических единиц (кроме общерусских, она включает и диалектные, нет положительно оценочных номинаций и т. д.), в отношениях между ними, в возможности использования этих лексем в качестве обращений, в способе выражения негативных чувств, в частотности употребления придают региональное своеобразие фрагменту «человек» языковой картины мира забайкальских казаков, но в целом ситуации общения, в которых употреблены зоонимы, отражают общерусские (христианские) нравственные ценности.

Ключевые слова: языковая картина мира, тематическая группа, лексико-семантическая группа, диалектная лексика, лексико-семантический вариант, прямое и переносное значение слова, коннотативное значение слова

Elena I. Plyaskina,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: PlyaskinaEI@mail.ru

Zoonyms as Human Nominations in the Novel *Dauria* by K. F. Sedykh as a Reflection of the Fragment of Trans-Baikal Cossacks' Linguistic Worldview

The article discusses numerous enough and interesting to the researcher semantic field of zoonyms, i.e. names of animals (such as *guran, tarbagan, stallion, dog, boar, dog, tsepnik, pustolayka* and others), used in metaphorically connotative meanings in the novel *Dauria* by K. F. Sedykh, describing the life of the Trans-Baikal Cossacks. The analysis of the thematic group in which they are combined and component analysis of the word meanings and contexts of semantic analysis revealed lexical-semantic specificity of these words in dialect, which gives an idea about the system of values of the Cossacks formed as part of their linguistic worldview. Features of the thematic groups consisting in the quantity and quality of its member lexical units (except all-Russian, because this group includes a dialect, there are no positively evaluated nominations, etc.), relations between them, the ability to use these lexemes as appeals, way of expressing negative feelings in the frequency of use attached to the regional peculiarity fragment "man" in the linguistic worldview of the Trans-Baikal Cossacks. In general, the situations of communication in which zoonyms are used reflect all-Russian (Christian) moral values.

Keywords: linguistic worldview, thematic group, lexical-semantic group, lexical-semantic variant, direct and figurative meaning, connotative meaning

Введение. По мнению учёных, языковая картина мира не только национально специфична [4, с. 9; 6, с. 15], но имеет различия в рамках одного языка, которые находят «своё отражение в семантике языковых единиц, ис-

пользуемых в подъязыках, обслуживающих соответствующие системы» [11, с. 15]. Одним из подъязыков русского языка являются территориальные диалекты, и, «как показывают многочисленные исследования, посвящён-

ные системной организации лексики народных говоров, набор членов лексико-семантических групп оказывается специфичным в каждом территориальном диалекте и отражает особенности языковой сегментации действительности» [2, с. 91]. Поэтому в настоящее время поднимается вопрос о региональной языковой картине мира, которую определяют как вариант диалектной картины мира, свойственный жителям отдельных регионов и носителям определённых диалектов [10, с. 16].

Забайкальские казаки, жившие на юго-востоке Забайкалья в начале XX века, быт которых описан в романе К. Ф. Седых «Даурия», были носителями одного из старожильческих говоров, в основе своей севернорусского, хотя и испытавшего влияние среднерусских и южнорусских говоров (а также языков аборигенов края (бурятского и эвенкийского), что ярче всего проявилось в тематических группах названий домашних и диких животных, кушаний, одежды и немного – в других ТГ [см.: 1]. Вообще забайкальские русские говоры, говоры вторичного образования, вызывают особый интерес исследователей, так как сложились в результате длительного междиалектного и межъязыкового контактирования. Они неоднородны: одна часть говоров имеет севернорусскую основу (старожильческие говоры), другая – южнорусскую (говоры семейских или старообрядцев) [см.: 5; 8].

Одним из основных в языковой картине мира является образ человека, поэтому изучение фрагмента «человек» картины мира забайкальских казаков как одного из наиболее значимых представляется актуальным при описании забайкальских говоров, недостаточно исследованных в лексическом отношении. Языковые единицы, номинирующие человека в процессе общения казаков в начале XX века, зафиксированы в вышеназванном романе известного забайкальского писателя К. Ф. Седых, полностью опубликованном в 1948 году и отмеченном Государственной премией в 1950. Как пишет литературовед Е. Макарова в статье «Константин Седых», роман «даёт широкое полотно жизни всего забайкальского казачества в предреволюционные годы и в первые годы после революции»; его обаяние заключается «в необычайной правдивости, простоте и горячей взволнованности» [3, с. 431]. В центре повествования – казачий посёлок Мунгаловский, входящий в Орловскую станицу, расположенную на юго-востоке Забайкалья (в XVII–XVIII веках эта земля называлась Даурией), и несколько семей, жизнь которых является своеобраз-

ным отражением жизни России того времени в целом.

Методы исследования. В качестве наименования человека использованы различные формы личных имён (*Епифан, Федотка, Кеха*), сочетаний их полной формы с отчеством (*Андрей Григорьевич*), термины родства (*тятя, дед, братка*), слова, отражающие пол (*девка, баба*), возраст (*старик, ребятишки*), отношение персонажей друг к другу: равенство (*казаки, посёльщики*), главенство/подчинение (*станичный атаман – поселковый атаман – казак*), а также слова, передающие эмоции, испытываемые в различных ситуациях общения.

Среди них выделяется достаточно многочисленное и интересное для исследователя семантическое поле зоонимов, то есть названий животных, в том числе птиц и рыб, употреблённых в метафорическом коннотативном значении, которые и являются предметом данной статьи. Её цель – выявление семантической специфики этих слов в говоре путём анализа тематических групп, в которые они объединяются, а также компонентного анализа значения слова и семантического анализа контекстов для того, чтобы составить представление о системе ценностей казаков, сформировавшейся в рамках их языковой картины мира. Эти ЛЕ объединяются в 2 тематические группы: «Названия животных» и «Названия птиц» (из названий рыб встретилось только одно). Критериями объединения слов являются: 1) сходство их семантической структуры, то есть наличие прямого значения – наименования животного, птицы или рыбы и переносного метафорического – наименования человека; 2) функция оценки или образной характеристики; сфера использования этих слов во втором значении – неофициальная.

Метод описания языкового материала по тематическим группам (ТГ) является одним из распространённых среди разнообразных методов и приёмов исследования лексико-семантической системы языка как в литературном варианте, так и в региональном. По мнению Ф. П. Филина, обосновавшего системный подход к изучению лексики русских говоров, «рассмотрение лексики в тематическом аспекте имеет то преимущество, что оно позволяет полно и всесторонне установить связь между словами и обозначаемыми ими явлениями, выяснить объём значений слов, их употребления...» [9, с. 106]. Действительно, только анализируя ТГ, можно увидеть семантическое своеобразие входящих в неё

лексических единиц, поскольку семантика каждой из них отражает нечто вне языка, в реальной действительности.

Поскольку ядром лексико-семантической системы любого говора является лексика общерусская, то правомерно в ТГ включать не только территориально ограниченные лексические единицы (ЛЕ), но и территориально не ограниченные. По мнению диалектологов, объектом изучения должно являться каждое слово, живущее в говорах, тем более что, объединяясь в ТГ, они и передают своеобразие говора и своеобразие непосредственной картины мира диалектоносителей (картины, «получаемой в результате прямого познания сознанием окружающей действительности» [см.: 7, с. 51]).

Результаты исследования. В рамках данной статьи в связи с требованием к её объёму ограничимся описанием одной ТГ «Названия животных, употреблённых в качестве номинаций человека в романе», которая включает 18 ЛЕ, в том числе 3 атрибутивных сочетания, общерусского и диалектного характера: *жеребец, боров, тарбаган, гуран, волк, крыса, гад, гадина, собака, цепная собака, кобель, побитый кобель, цепной кобель, цепник, псюга, сука, пустолайка, брехун*. Все они имеют прямое значение – название животного, являясь при этом литературными нейтральными словами, кроме литературных разговорных *гадина, пустолайка* и диалектных *гуран, тарбаган, цепник, псюга, брехун* ЛЕ, и переносное, часто эмоционально-оценочное, значение лица разговорного, просторечного или диалектного характера, через которое и возможно проявление семантической специфики этих слов в говоре.

Далее даны значения ЛЕ (общепотребительных по Словарю русского языка в 4 томах (МАС) [15] и Толковому словарю русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (ТСОШ) [13], диалектных – по тексту и картотеке автора), приведены контексты их (по возможности и ЛСВ, диалектных ЛЕ) употребления из романа с указанием страницы (в некоторых из них в скобках автором статьи даны поясняющие слова и скобками же обозначен пропуск текста) и результаты компонентного анализа значения слова и семантического анализа контекстов употребления слова (там, где это необходимо).

Гуран – 1) дикий козёл, самец косули; 2) коренной забайкалец (преимущественно казак, а в наше время и его потомок).

«– И смотреть нечего, – загорячился Никула, – солонцов тут вон сколько. А на солон-

цах косуля испокон веков водится. Да ежели ты хочешь знать, так я тут в прошлом году **гурана** подшиб. Здоровенный козёл был, чистоганом три пуда вытянул» [14, с. 75].

«– Встаю я тут и кричу, что желаю, мол, на силача выступить, а у самого дух перехватило, глаза дымом застлало. Одни тут мне шлёпать начали, а другие разные обидные словечки пускают. Дескать, куда, мол, тебе, **гурану**, он, мол, тебя пополам переломит. <...> – ...весело осклабился Платон (Волокитин)» [14, с. 241].

Лексико-семантические варианты (ЛСВ) этого диалектного слова, заимствованного из бурятского языка (*гура/н/* – «самец косули» [12, с.160]), довольно далеки друг от друга (в качестве общей семы, связывающей ЛСВ, можно предположить такое качество, как упрямство, свойственное и козам, и казакам), ассоциативная связь между ними разрушается, так как внутренняя форма слова отсутствует; смысловая обособленность возрастает. Второй ЛСВ употреблён в романе и в качестве обращения, что отличает эту ЛЕ от некоторых других в рассматриваемой ТГ, причём значение его понятно из контекста. В эпизоде разбивки сенокосных угодий мунгаловцев на паи поселковый атаман Елисей Каргин с писарем и двумя казаками наткнулись на жителя деревни Мостовки, который «косил мунгаловский острец». Не успев ускакать, мужик, защищаясь, схватил косу.

«– Брось литовку, брось, тебе говорю! – надсаживался Платон, не зная, на что решиться, и всё ещё надеясь взять мужика испугом. Но тот понял, что казак стрелять трусит, и пошёл прямо на него. В одной руке у него была литовка, другой он грозил Платону и кричал:

– На, *гад*, убивай!.. Убивай, **гуран проклятый**» [14, с. 134].

Тарбаган – 1) сурок (небольшое животное семейства беличьих, зимой впадающее в спячку); 2) спрятавшийся в яме, расщелине человек.

«А верхняя группа тем временем, прочёсывая кусты, подошла к расщелине, где, согнувшись в три погибели, задыхался от сердцебиения кривой.

– Ну-ка, ткни сюда шашкой, – показал Платону на расщелину Каргин. Платон ткнул так удачно, что, вытаскивая шашку, увидел на конце её кровь.

– Нашли **тарбагана**. Не уйдёт, – осклабился Платон и командовал: – А ну, вылежай!..» [14, с. 53].

Переносное метафорическое значение с живой образностью появилось у этого слова,

заимствованного из бурятского языка (*тарбага/н* – степной сурок [12, с. 415]) на основе семы «имеющий нору, прячущийся в норе», не включённой в словарное толкование, но важной для понимания созданного образа.

Кобель – 1) самец собаки; 2) *зруб. прост.* о похотливом мужчине [15, т. 2, с. 64].

«Я уж свою Агапку (дочь) волосяными вожжами уму-разуму наставлял, чтоб не шаталась по игрищам. Ведь эти кадровцы настоящие **кобели**, не успеешь глазом моргнуть, как они из девки бабу делают. А куда её потом денешь?..» [14, с. 75].

Отец взрослой дочери неодобрительно относится к высокой сексуальной активности молодых казаков, проходящих срочную службу, опасаясь связи дочери с одним из них. ЛЕ *кобель*₂ представлена в романе и в качестве обращения, негативная окраска которого усиливается определением *бессовестный*, и общая эмоция, передаваемая им – презрение.

«Не выпуская её (руку), Платон ошарашил его вопросом:

– Ты что же, **кобель бессовестный**, с Алёшкиной бабой путаешься? Девочек тебе нет, что ли?» [14, с. 242].

Побитый кобель

«Только вот со свёкром разговоривать она (Дашутка) не умеет. Я по своей дурной привычке постращать её хотел, а она за ухват... Да и начала им орудовать. Пришлось мне из кухни **побитым кобелём** уходить. Думал, что от стыда лопну, так она меня прищемила...» [14, с. 219].

В значении сочетания актуальной является сема «побитый» («избитый»), то есть имеющий жалкий вид (отсюда неодобрительная оценка), она нейтрализует сему «похотливый». Дополняет образ слово *уходить*, то есть отступать, быть побеждённым, побитым в каком-либо состязании (значит, тоже имеющим жалкий вид), в данном случае – в разговоре.

Жеребец – 1) самец лошади, достигший половой зрелости; 2) *прост.* о рослом, сильном мужчине [13, с. 192].

«Роман сидел за столом и, посмеиваясь украдкой, слушал разговор стариков. При последних словах Пестова он не выдержал, прыснул от смеха. Пестов услышал и напустился на него:

– Ты чего зубы скалишь? **Жеребец проклятый!** Всё хиханьки да хаханьки. Совсем от рук отбил. Разве можно над старшими смеяться?» [14, с. 281].

Неодобрительная оценка говорящего усиливается определением *проклятый* со

значением «ненавистный, достойный проклятия (во 2 знач., в котором является бранным словом, ругательством) [15, т. 3, с. 495], а также семантическим окружением словосочетания: просторечным *зубы скалить* и разговорным *хиханьки да хаханьки* фразеологическими оборотами, негативно оценочными.

Боров – 1) кастрированный самец свиньи, откармливаемый на убой; 2) *прост.* о толстом, неповоротливом человеке [15, т. 1, с. 108]; 2) *прост. пренебр.* о толстом, неповоротливом человеке [13, с. 56].

«Каргин ожидал из станицы чего угодно, только не такой бумажки. Сергей Ильич обещал махнуть рукой на распаханную Семёном залежь. Оказывается, нет, не вытерпел, рыжий **боров**, взял да и заварил кашу <...> Морду такому человеку набить следует...» [14, с. 93].

Негативный образ толстого человека дополняется просторечным существительным *морда* и желанием говорящего её набить, поэтому в отличие от эмоции, указанной ТСОШ, контекст показывает нам, что атаман Каргин с презрением подумал о купце Чепалове в связи с полученным из станицы предписанием. Определение *рыжий* не участвует в создании образа, а указывает только на цвет волос, конкретизирует человека.

Крыса – 1) вредный грызун, внешним видом напоминающий мышь, но гораздо больших размеров, преимущественно с серой шерстью и чешуйчатым хвостом; 2) с *определением; разг. пренебр.* о человеке, род занятий которого расценивается как что-то мелкое, ничтожное [15, т. 2, с. 141].

«Семён передёрнул плечами, подошёл к Никифору вплотную:

– Что-то на войне ты не такой храбрый был. Чего здесь расхрабрился? Шибко не задавайся, командира из себя не строй. Ты ведь, паря, *тыловая крыса*, писарская душа, а не командир» [с. 286].

В словосочетании *тыловая крыса* актуальной является сема «тыловая», то есть относящаяся к тылу – «территории, расположенной позади линии фронта» [15, т. 4, с. 432], она создаёт противопоставление: *тыл – фронт, передовая*, которое объединяется словом *война*, употреблённым в начале фразы; то есть на войне человек был не на передовой, а в тылу, отсюда презрительное отношение к нему в отличие от оценки, указанной МАС.

Гад – 1) земноводное или пресмыкающееся животное; 2) *прост. бран.* об отвратительном, мерзком человеке [15, т. 1, с. 295]; *прост. презрит.* мерзкий, отвратительный человек, гадина [13, с. 124].

«У Семёна мгновенно созрела твёрдая уверенность, что Каргин причастен к этому делу. “Вишь, расселся, **гад!** Посмеивается, поди, над нами”, – решил он и проехал, не здороваясь» [14, с. 369].

«– А вы поищите. Мы не можем арестовать кого попало, но виновных живо скрутим. Валандаться с такими **гадами** не будем» [14, с. 378].

«Следом за ним вторично потребовал слова Тимофей и сказал:

– Свернули мы, товарищи, в сторону. <...> Если мы разобьём Семёнова, то у всех врагов крепкую ступеньку из-под ног выьем, да и здесь всех **гадов** заставим хвосты поджать» [14, с. 379].

«– Одного-то из них я уж наверняка ухлопал, – слышался его (Никулы) голос в одном месте. – Вплоть они, **гады** *полосатые*, от меня были. А я ведь и не таком расстоянии редко мимо стреляю» [14, с. 257].

Определение *полосатые* создаёт привычный образ обитающих в восточном Забайкалье полосатых ужей и показывает близость лексико-семантических вариантов. Метафорический ЛСВ используется в говоре и как обращение.

«Затем (беглый каторжник) поднялся над кочками во весь немалый рост и, разрывая на груди рубаху, пошёл на Сазанова с истерическим криком:

– На, **гад**, стреляй! Не скрадывай! Не скрадывай, как селезня, а бей на месте, *сучий сын*» [14, с. 57].

Гадина – 1) *разг.* то же, что гад (в 1 знач.); *прост. бран.* то же, что гад (во 2 знач.) [15, т. 1, с. 296].

«– Революция в опасности! – начал он (председатель исполкома Димов). <...> Мы должны растоптать белогвардейскую **гадину**, вырвать её ядовитое жало» [14, с. 404].

«– **Гадина** она, эта баба! – кричал возле соляного магазина в толпе народа казак в кумачовой рубахе. – Таких надо всю жизнь за решёткой держать» [14, с. 161].

В рассмотренных контекстах лексико-семантический вариант *гадина*₂ передаёт презрительное отношение говорящего к предмету речи. Как и в том случае, когда употреблён в качестве обращения.

«Дашутка схватила его за руки, умоляюще спросила:

– Тятя... Роденький... За что?

– Чтобы отца не срамила, **гадина**. Кому это ты провинилась? <...>» [14, с. 83].

Собака – 1) домашнее животное семейства псовых, родственное волку, исполь-

зуемое человеком для охраны, на охоте, в упряжке; 2) *прост.* употребляется как бранное слово [15, т. 4, с. 168]; 2) *разг.* о злом, грубом человеке [13, с. 740].

«Попался на сморчка-казакишку. <...> Скрутил он мне руки и доставил по начальству. Разве это человек? Одно слово – **собака**» [14, с. 103].

«Добрая **собака**», – подумал он про Сазанова, но отцу, чтобы не расстраивать его лишней раз, ничего не сказал» [14, с. 42–43].

«– За командира у них здоровенный дядя был. Рыжий, **собака**, и бородатый, – через минуту говорил Никула в другом месте» [14, с. 258].

«Он (Северьян) помог взвалить Семёну мешок с мукой на спину, проводил до ворот. Только за воротами сказал:

– О худом ты, Семён брось думать. Свяжись с **собакой**, сам **собакой** станешь. Ну его к чёрту, этого купчика-субчика...» [14, с. 110].

«Не унимаются, **собаки**, – опалила Семёна обида. – Рады со свету меня сжить...» [14, с. 113].

Данные контексты показывают, что метафорический вариант слова *собака* активно используется в говоре (5 случаев употребления) для негативной оценки человека и передачи презрительного к нему отношения.

Цепной (пёс, собака), цепной (кобель) – 1) привязанный на цепи; 2) *презрит.* чей-нибудь злой прислужник [13, с. 876].

«Неприкрытая ненависть старого бродяги к казакам крепко поразила его, заставила напряжённо думать. <...>. Больно было думать, что и его считают **цепной собакой** простые несчастные русские люди, которых так часто проводят по тракту закованными в кандалы» [14, с. 104].

Цепник – пёс, сидящий на цепи; 2) злой прислужник кого-либо.

«В козулинской ограде бесновался на привязи **цепник**. Он вставал на дыбы, захлёбывался хриплым, гневным лаем, рычал и скрёб лапами ступеньки крыльца» [14, с. 81].

«И нашему Елисею Петровичу от него попало. Ведь он атамана, стервец, вроде как бы **цепником** обозвал.

– Про **цепных кобелей** ничего не говорили. Это ты, паря, должно быть во сне видел, – возразил Никуле Иннокентий Кустов.

– Мало ли что не говорили. А по смыслу из Елисея самый настоящий **цепник** получается» [14, с. 311–312].

Метафорический вариант представляет собой яркий образ и тоже передаёт презрительную оценку, как и словосочетание *цепной*

кобель (собака), на основе которого образовано слово *цепник*.

Пустолайка – 1) *разг.* собака, лающая попусту, без нужды [15, т. 3, с. 561]; 2) человек, говорящий пустое, болтун.

Брехун – 1) собака, пёс, лающий попусту (см.: *брехать* – 1) лаять; 2) врать, говорить вздор [13, с. 59]; 2) *прост., пренебр.* врун, пустомеля [15, т. 1, с. 115].

«Лучше *цепником* быть, чем *пустолайкой*, вроде тебя, – рассердился Иннокентий.

– **Пустолайка**, она ничего, а вот беззубые **брехуны** – это уж настоящее дерьмо, – вступился за Никулу Семён Забережный, намекая Иннокентию на недавно выбитые у него в драке во время гулянки зубы» [14, с. 312].

Эти ЛЕ передают пренебрежительное отношение к тому говорящему, которого так называют.

Псюга – 1) пёс, собака; 2) злой и грубый человек.

«Неожиданно рванувшись вперёд, залепил он (беглый каторжник) в усталое лицо Никифора обильным вязким плевком.

– Брось баловать, сволочь... Давай, Никифор, ремень... Его, **псюгу бешеного**, скрутить надо... [14, с. 53].

Негативная характеристика человека, названного *псюгой*, дополняется определением *бешеный* в переносном значении «исступлённый, необузданный, неистовый» [15, т. 1, с. 89]; эти качества беглого каторжника очень мешали казакам поймать его, тем не менее отнеслись они к нему с презрением.

Сука – 1) самка домашней собаки, а также других животных семейства псовых; 2) *груб. прост.* употребляется как бранное слово [15, т. 4, с. 303]; 2) *прост. бран.* негодяй, мерзавец [13, с. 780].

«Попался на сморчка-казачишку. Я его, **суку**, христом-богом молил – не трожь, мол, меня, мил человек, дай проходу» [14, с. 103].

«Никифор приказал ему (Роману) отойти к забору и стать на часовую выстойку вперёд, хрипло спросил Никифора:

– Представление устраиваешь?.. Эх ты, как был **сукой** так **сукой** и остался» [14, с. 285–286].

«Сам Семён не одобрял покушавшейся (женщины), но он принялся притворно хвалить женщину, хотя и сознавал, что начинает игру с огнём.

– Ты не болтай, Забережный, чего не следует, – немедленно пригрозил Семёну байкинский богач Никифоров. – Мы тебя живо

следом за той **сукой** на каторгу отправим» [14, с. 162].

Второй лексико-семантический вариант слова использован для передачи презрения говорящего, как и в том контексте, в котором является обращением.

«Никифор схватил Семёна за грудки, захрипел:

– Врёшь, **сука!** По глазам вижу, врёшь! Сам приспособил их (деньги)» [14, с. 48].

Волк – 1) хищное животное семейства псовых, обычно серой окраски, родственное собаке [15, т. 1, с. 204]; 2) жестокий человек.

«– Изверг!.. Аспид!.. Креста у тебя на воротах нет... <...> Не дам я тебе родного детисца губить, не дам. Не человек ты, а **волк!** – Она (Аграфена) подбежала к Дашутке, прижала её к себе» [14, с. 173].

«– Я за папашу ещё расплачусь. <...> Первому Тишке Косых красные сопли пуцу.

– Это не он ли нынче помогал комиссарам казаков вязать?

– Он самый. Да не один он, у него и друзья-приятели есть. Такие же **волки**» [14, с. 413].

Негативная оценка презрения явно ощущается у метафорического варианта слова *волк* в представленных контекстах.

Заключение. Большинство членов рассмотренной ТГ противопоставляется друг другу дифференциальными семами, представленными в словарных толкованиях, следовательно, находится в видовых или гипонимических отношениях.

Тожественные значения имеют ЛЕ *гад* и *гадина* (общерусские), *собака* и *псюга* (общерусская и диалектная), *цепная собака*, *цепной кобель* и *цепник* (общерусские и диалектная) и, следовательно, могут выступать как дублиеты-синонимы; сема «злой» объединяет ЛЕ *собака*, *псюга*, *цепная собака*, *цепной кобель* и *цепник* в одну лексико-семантическую группу «Наименования злого человека», следовательно, они могут вступать в синонимические отношения при нейтрализации дифференциальных сем.

Из всех членов ТГ, номинирующих человека, не являются оценочными ЛЕ *гуран* и *тарбаган*, остальные характеризуют человека негативно, хотя степень эмоциональной оценки разная. Неодобрение выражают ЛЕ *жеребец*, *кобель*, *побитый кобель*; пренебрежение – *пустолайка*, *брехун*; презрение – *боров*, *крыса*, *гад*, *гадина*, *собака*, *цепная собака*, *цепной кобель*, *цепник*, *псюга*, *сука*, *волк*.

Ситуации общения, в которых употреблены зоонимы, передающие негативное отношение к собеседнику или предмету речи,

отражают общерусские (христианские) нравственные ценности: отрицательное отношение к похоти, к смеху над старшими, чрезмерной полноте, болтовне, лжи, грубости, злости, подлости, мерзости и т. д. Причины, вызвавшие использование этих слов в качестве номинаций человека, – образное мышление и возможность свободно проявлять недоброжелательные эмоции, что, очевидно, позволялось речевым этикетом казаков – характерны для народной среды.

По способу выражения негативных чувств зоонимы, номинирующие человека, можно разделить на 3 группы: сказанные 1) прямо в глаза человеку; 2) о нём и 3) о себе. Первая группа составляет третью часть от всех – 6 ЛЕ: *жеребец*, *крыса*, *пустолайка*, *брехун*, *сука*, *псюга*; высказанные в лицо человеку, они придают общению казаков такие черты, как прямота, безапелляционность и грубость. Справедливости ради надо отметить, что и о себе казаки высказываются в тех же категориях (*лобитый кобель*, *цепная собака*).

ЛЕ *гуран*, *гад*, *гадина*, *кобель*, *сука* использованы в романе и в качестве обращений (обращения-индексы) и передают те же эмоции, кроме обращений *гуран проклятый* и *кобель бессовестный*, которые выражают презрение, так как в них актуализированы сема «ненавистный», выражаемая бранным словом *проклятый* (в первом), и «бессовестный, нечестный», выражаемая словом *бессовестный* (во втором), что подтверждает мнение о грубости общения и в семье, и между односельчанами.

Частотность употребления зоонимов в качестве номинаций человека различна – это

видно по представленным контекстам, которые показывают, что наиболее употребительными являются ЛЕ *собака*, *гад*, *сука*: ЛЕ *собака* использована в 5 ситуациях общения; ЛЕ *гад* – в 4, ЛЕ *сука* – в 3, ЛЕ *гадина*, *волк*, – в 2 каждая; остальные употреблены в романе по 1 разу.

Региональное своеобразие рассмотренной ТГ заключается и в количестве, и в качестве входящих в неё ЛЕ: 1) кроме общерусских она включает 8 (44 %) диалектных: *гуран*, *тарбаган*, *цепник*, *псюга* (лексические диалектизмы, неизвестные литературному языку), *пустолайка*₂, *волк*₂ (семантические диалектизмы – диалектные метафорические значения литературных слов; в литературном языке на их месте лакуны – таким образом проявляется семантическая специфика этих слов) и яркое образное атрибутивное сочетание *лобитый кобель*; 2) нет положительно оценочных номинаций; ЛЕ *боров* и *крыса* в говоре используются для выражения презрительного, а не пренебрежительного, как в литературном языке и просторечии, отношения говорящего. Слово *брехун* тоже имеет семантическую специфику, которая заключается в том, что в говоре у него есть прямое значение – название животного (попусту лающей собаки), которого нет в литературном языке и просторечии, хотя все нормативные словари фиксируют значение «лаять» у родственного слова *брехать* как 1-е, прямое.

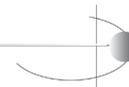
Рассмотренные зоонимы, использованные в качестве номинаций человека в романе «Даурия», отражают региональное своеобразие фрагмента «человек» языковой картины мира забайкальских казаков.

Список литературы

1. Абросимова О. Л., Пляскина Е. И. Лексика коренного населения в русских говорах Читинской области // Проблемы лингвистического краеведения. Пермь: ПГПУ, 2004. С. 7–12.
2. Загоровская О. В. Семантика диалектного слова и проблемы диалектной лексикографии. М.: Ин-т рус. яз. АН СССР, 1990. 299 с.
3. Макарова Е. Константин Седых // Седых К. Ф. Даурия. Иркутск: Вост.-Сиб. изд-во, 1975. С. 429–431.
4. Пименова М. В. Языковая картина мира. СПб.: СПбГУ, 2011. 106 с.
5. Пляскина Е. И. Бытовая лексика говора сёл Борзинского района Читинской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М.: МПГУ, 2001. 16 с.
6. Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и национальная картина мира. Воронеж: ВГУ, 2002. 61 с.
7. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: Восток – Запад, 2007. 315 с.
8. Селищев А. М. Диалектологический очерк Сибири // Избр. тр. М.: Просвещение, 1968. С. 223–427.
9. Филин Ф. П. Исследование о лексике русских народных говоров (на материале сельскохозяйственной терминологии). М.–Л.: Наука, 1936. 208 с.
10. Щербак А. С. Проблемы изучения региональной ономастики. Ономастикон Тамбовской области. Тамбов: ТГУ им. Державина, 2006. 293 с.
11. Шмелёв А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.

Источники

12. Бурятско-русский словарь / сост. К. М. Черемисов. М.: Сов. энцикл., 1973. 804 с.
13. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2010. 942 с.

14. Седых К. Ф. Даурия. Иркутск: Вост.-Сиб. изд-во, 1975. 431 с.
15. Словарь русского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1981. 696 с.

References

1. Abrosimova O. L., Plyaskina E. I. Leksika korenного naseleniya v russkikh govorakh Chitinskoj oblasti // Problemy lingvisticheskogo kraevedeniya. Perm': PGPU, 2004. S. 7–12.
2. Zagorovskaya O. V. Semantika dialektного slova i problemy dialektной leksikografii. M.: In-t rus. yaz. AN SSSR, 1990. 299 s.
3. Makarova E. Konstantin Sedykh // Sedykh K. F. Dauriya. Irkutsk: Vost.-Sib. izd-vo, 1975. S. 429–431.
4. Pimenova M. V. Yazykovaya kartina mira. SPb.: SPbGU, 2011. 106 s.
5. Plyaskina E. I. Bytovaya leksika govora sel Borzinskogo raiona Chitinskoj oblasti: avtoref. dis. ...kand. filol. nauk: 10.02.01. M.: MPGU, 2001. 16 s.
6. Popova Z. D., Sternin I. A. Yazyk i natsional'naya kartina mira. Voronezh: VGU, 2002. 61 s.
7. Popova Z. D., Sternin I. A. Kognitivnaya lingvistika. M.: Vostok – Zapad, 2007. 315 s.
8. Selishchev A. M. Dialektologicheskii ocherk Sibiri // Izbr. tr. M.: Prosveshchenie, 1968. S. 223–427.
9. Filin F. P. Issledovanie o leksike russkikh narodnykh govorov (na materiale sel'skokhozyaistvennoy terminologii). M.–L.: Nauka, 1936. 208 s.
10. Shcherbak A. S. Problemy izucheniya regional'noi onomastiki. Onomastikon Tambovskoi oblasti. Tambov: TGU im. Derzhavina, 2006. 293 s.
11. Shmelev A. D. Russkii yazyk i vneyazykovaya deistvitel'nost'. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2002. 496 s.

Istochniki

12. Buryatsko-russkii slovar' / sost. K. M. Cheremisov. M.: Sov. entsikl., 1973. 804 s.
13. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka. M., 2010. 942 s.
14. Sedykh K. F. Dauriya. Irkutsk: Vost.-Sib. izd-vo, 1975. 431 s.
15. Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. M.: Rus. yaz., 1981. 696 s.

Библиографическое описание статьи

Пляскина Е. И. Зоонимы в качестве номинаций человека в романе К. Ф. Седых «Даурия» как отражение фрагмента языковой картины мира забайкальских казаков // Гуманитарный вектор. 2016. Том 11, № 5. С. 84–90.

Reference to the article

Plyaskina E. I. Zoonyms as Human Nominations in the Novel Dauria by K. F. Sedykh as a Reflection of the Fragment of Trans-Baikal Cossacks' Linguistic Worldview // Humanitarian Vector. 2016. Vol. 11, No. 5. PP. 84–90.

Статья поступила в редакцию 06.03.2016